

Личность в экстремальных условиях

Валерия Мухина

МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ: ТЮРЕМНЫЙ ПСИХОЛОГ

*Не бойся, ибо Я искупил тебя, назвал
тебя по имени твоему <...>; но ты
грехами твоими затруднял Меня,
беззакониями твоими отягощал Меня.*

Книга Пророка Исаи [43:1, 25]

Поистине тени тюрьмы окружают нас...

Джек Лондон. Скиталец по звездам

Может ли лагерщик быть хорошим человеком?

А.И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ

Психология как наука призвана изучать психические процессы, особенности сознания и самосознания человека, его ценностные ориентации и духовные потребности. Психология как наука призвана изучать предпосылки и условия развития человека как личности, а также феноменологическую сущность внутренней позиции самой личности. Однако все знания, которые извлекает психология в результате теоретического и эмпирического постижения феноменологии развития и бытия личности, должны быть положены в основу теории и практики глобальной задачи – *улучшения условий для личностного самочувствия человека.*

Человек, имея двойную природу своего происхождения, являясь одновременно социальной единицей и уникальной личностью, реально находится в зависимости от сложной социально обусловленной структуры окружения, от многообразия социально-психологических контекстов.

Зависимость
человека от
многообразия
социально-
психологических
контекстов

Особое место
психолога в
условиях тюрьмы

Специалисты многих профессий, напрямую связанных с непосредственным взаимодействием людей друг с другом, попадают в условия выраженной зависимости от сложной структуры институционального окружения, требующего предписанных положений, рекомендаций и должностных инструкций.

Особое место в этой сложной системе социально-психологических зависимостей занимает психолог в тюрьме в уголовно-исполнительной системе (УИС). В функциональные обязанности этого психолога входит требование руководствоваться принципами законности, гуманизма, толерантности, равенства перед законом. Кроме того, психологу вменяется необходимость профессионального умения индивидуального подхода к каждому сотруднику УИС и к каждому осужденному. Психолог должен охранять права и свободы каждой стороны, обеспечивать законность применения средств психологического воздействия, правовую защиту, личную безопасность каждого. При этом тюремный психолог должен соблюдать законность, содействовать дисциплине сотрудников и осужденных* и оказывать им психологическую поддержку.

Позиции
и диспозиции

Положения и должностные инструкции для учреждений УИС часто обращены одновременно как к сотрудникам, так и к осужденным. Реально эти люди вынуждены взаимодействовать в жестко установленных правилах. Условия взаимодействия определяют специфику диспозиций сотрудников УИС и осужденных.

В тюрьме особое значение обретают установленные порядки, правила.

Правило – принцип, служащий руководством в чем-либо; норма поведения, принятый образ действий. Правила определяют как позиции, так и диспозиции людей в их взаимодействиях.

Диспозиция – противоположная позиция, которая несет в себе отрицание, отчуждение. Сама приставка *дис* сообщает понятию «позиция» смысл противостояния.

Безусловно трудно себе представить единство позиций у сотрудников УИС и осужденных. Для них психологически понятны отношения диспозиций. Однако сама нормативно устанавливаемая ситуация требует от обеих сторон толерантности и довлеет над их диспозициями.

---

* Перечень обязанностей составлен по материалам предписаний, рекомендаций и должностных инструкций для психологов УИС.

В отношениях
диспозиции
заложены
деструктивные
тенденции

Стенфордский
тюремный
эксперимент

В этих условиях *несогласие* в чем-либо осужденных обычно не вырастает до *неподчинения*: в противном случае их ждут репрессивные меры со стороны сотрудников УИС. Здесь речь идет не о толерантности, а о внешней дисциплине и вынужденном послушании.

Диспозиционные отношения осужденных и сотрудников УИС определяются силой сложившихся в обществе стереотипов восприятия как преступников, так и надзирателей. Влияние самой ситуации пребывания в зоне, в тюрьме состоит в выраженной трансформации хрупкой позитивно ориентированной социально-психологической сущности человека: сплошь и рядом мы наблюдаем разрушение нормативно задаваемых поведенческих проявлений. Мы наблюдаем в отношениях диспозиций деструктивные тенденции.

Весьма наглядно были выявлены деструктивные отношения осужденных и тюремщиков в широко известном стенфордском тюремном эксперименте [1]. Автор эксперимента – Филипп Дж. Зимбардо со своей командой разработал концепцию и сценарий проведения исследования – были продуманы условия проведения эксперимента и правила поведения «надзирателей» и «заключенных».

Все испытуемые (это были студенты университета) подписали документ, в котором подтверждали, что предупреждены и согласились на то, что если они будут выбраны для роли заключенных, некоторые из их гражданских прав будут нарушены.

«Заключенные» должны были принять свою роль и исходить из условий, в которые они добровольно попали.

«Надзиратели» должны были адаптироваться к роли господствующей персоны, обладающей властью над заключенными и неукоснительно осуществляющей надзор.

Встречи участников двух групп в первый день были отмечены ощущением неловкости. Однако на второй день ситуация кардинально изменилась, когда несколько «заключенных» склонили остальных к бунту против принудительных правил и ограничений. Согласно сценарию руководителя эксперимента «надзиратели» должны были справиться с этими нарушениями порядка.

В результате требований руководителя эксперимента «надзиратели» сплотились друг с другом и подавили бунт «заключенных».

В противостояниях, которые носили непосредственный характер, естественно сформировалась неприязнь «тюремщиков» к «заключенным». «Надзиратели» изменились до неузнаваемости – они стали «други-

Может ли ситуация
быть сильнее пози-
ции и диспозиции?

ми» людьми. «Заключенных» наказывали: их раздевали догола, держали в карцере в течение многих часов, лишали еды, лишали одеял и подушек, заставляли делать отжимания, прыжки и другие бессмысленные действия. Наибольшую степень садизма «надзиратели» проявляли, заставляя «заключенных» просыпаться по нескольку раз за ночь для «переключек», оскорбляя незащищенных людей, манипулируя ими как игрушками. Именно в ночную смену «надзиратели» издевались наиболее жестоко: они полагали, что за ними никто не следит. «Надзиратели» использовали приемы психологического воздействия для того, чтобы разобщить бунтовщиков и подчинить их себе. Они организовали «привилегированную камеру», где более лояльные могли получить хорошую еду и нормальную постель. «Такая тактика дала незамедлительный эффект, выразившийся в том, что у заключенных возникли подозрительность и недоверие друг к другу» [2].

Исследователи пришли к выводу о том, что экстремальные ситуации и люди без явных аберраций*, отклонений, зачастую являются корнем проблем коллективного зла, социальных патологий и различных дисфункций общества [3]. Я бы здесь позволила выразить собственное мнение. *Среди нас – людей – нет среднестатистически предполагаемой нормы: человеческая норма как раз и состоит в допустимых пределах аберраций.*

Социальная ситуация может провоцировать агрессивность

Наблюдения за студентами, прошедшими специальный отбор и диагностированными как люди без выраженных отклонений, показали следующее.

С каждым днем в поведении «надзирателей» увеличивалась агрессивность. Они подавляли, унижали и негуманно относились к «заключенным». Они злоупотребляли своим положением.

Враждебное отношение «надзирателей» к «заключенным» стало пагубно сказываться на последних.

Организаторы тюремного эксперимента были вынуждены напоминать «надзирателям» о том, что они должны воздерживаться от злоупотреблений.

Неожиданный результат стенфордского тюремного эксперимента

Результат эксперимента был неожиданным. Через 36 часов после ареста пришлось освободить первого «заключенного». Его поведение стало на грань патологии. Он плакал, кричал, ругался и совершал неразумные действия.

* Аберрация – здесь: личностные отклонения. Англ.: aberrant – аберрантный, отклоняющийся от нормального типа; aberration – отклонение от нормы.

После этого события некоторые «заключенные», забыв об экспериментальной условной ситуации, решили стать дисциплинированными и соблюдать правила, «следуя тюремным процедурам с покорностью зомби».

Ф. Дж. Зимбардо отмечал, что «под давлением вынужденного подчинения общим нормам были нивелированы индивидуальные особенности каждого» [4]. Многие «заключенные» притворялись безумными, чтобы освободиться досрочно.

Ситуация была так накалена, что *эксперимент был прекращен через шесть дней* вместо запланированного двухнедельного исследования.

Ф. Дж. Зимбардо как исследователь пристально изучал различные сочетания дегуманизирующих и деиндивидуализирующих социальных условий. В эксперименте было санкционирование власти в конкретных условиях социально-психологического контекста. Эти условия радикально изменяли личностные установки, продуцируя агрессивное поведение, исходящее из жестко установленных правил, регулируемых обществом [5].

Ф. Дж. Зимбардо создал условия для того, чтобы испытуемые всерьез приняли те роли, которые им достались по принципу случайного выбора. При этом он смог показать, насколько сильно может подчинить личность и изменить поведение даже условная лабораторная ситуация.

Не буду оценивать этический аспект СТЭ и обсуждать те стрессы, которые пережили «заключенные» и «надзиратели». Ф. Дж. Зимбардо был их профессором, а они – его студентами, которые прошли конкурсный отбор для участия в эксперименте. Кроме того, «надзирателей» жестко инструктировали, а «заключенных» подкупали и провоцировали на доносительство. Здесь были особые реальные социальные условия, которые определили реакции студентов на ситуацию эксперимента: помимо жестко установленных правил, регулируемых обществом, здесь присутствовал еще и авторитетный профессор, который ожидал определенного поведения от «надзирателей». Установки и ожидания профессора идеально воздействовали на участников эксперимента. Вначале он волновался, будут ли «надзиратели» и «заключенные» серьезно относиться к заданию или они будут переводить все в игру [5]. Однако, если поразмыслить серьезно, то исследователю можно было не беспокоиться: ведь в проективной ситуации, заложенной в эксперименте, возникли реальные оппозиционные отношения молодых непосредственных в проявлении своих чувств людей.

Стрессы, которые пережили «заключенные» и «надзиратели»

Уроки,
извлеченные
из эксперимента

Удался ли эксперимент? Исследователь получил желаемые результаты, извлек из них 10 уроков и оповестил об этом мир.

Выводы, которые сделал Ф.Дж. Зимбард, опираясь на результаты своего кратковременного эксперимента, реально должны касаться молодых людей, поставленных в проективную ситуацию тюремных условий. Однако ученый зашел за пределы исследования и позволил себе писать о самой тюрьме как о социальном институте.

Декларативное
заявление о тюрьме
не вытекает из са-
мого эксперимента

Ф.Дж. Зимбардо писал: «Тюрьма – это место, где попираются принципы гуманности, разрушается благородство человеческой природы и подвергаются деградации социальные отношения среди людей. Они пагубно сказываются как на надзирателях, так и на заключенных, оказывая деструктивное воздействие на самооценку, чувство справедливости и человеческое сострадание. Они созданы с целью изоляции человека от других людей и даже от самого себя. Нет ничего хуже для здоровья личности или общества, чем миллионы людей, лишенных социальной поддержки, социальной значимости или социальных связей со своей семьей. Тюрьма – это провалившийся социально-политический эксперимент» [6]. Это декларативное заявление Ф.Дж. Зимбардо не вытекает из его стенфордского тюремного эксперимента: ведь истинная тюрьма – место заключения преступников или подсудимых. В эксперименте участвовали студенты, но не преступники. Однако, безусловно: тюрьма – тотальное ограничение естественных человеческих потребностей, она неумолимо депривирует психику и разрушает позитивное начало в человеке.

Феноменология
тотальных
ситуаций

В то же время Ф. Дж. Зимбардо обнаружил феноменологическую сущность так называемых тотальных ситуаций, «которые могут произвести такие трансформации человеческой природы, что наше мнение о стабильности и постоянстве личности, характера и модальных устоев человека может быть поставлено под вопрос».

Исследователь выразил уверенность в том, что «хороших людей можно заставить, соблазнить, склонить к плохому (иррациональному, глупому, саморазрушающему, антисоциальному) поведению, погрузив их в тотальные ситуации» [7]. Проводя экскурс в историю нацистских концентрационных лагерей, в историю разрушительных сект и террористических групп, Ф. Дж. Зимбардо пришел к выводу о том, что «любой поступок, когда-либо совершенный каким-либо человеком, каким бы ужасным он ни был, может быть совершен любым из нас под тем или иным давлением ситуации» [8].

Возможные
зверства обычных
людей

История знает массу примеров, когда «обычные люди» совершали зверства под влиянием условий, в которых они оказывались. Но история знает и массу примеров, когда обычные люди противостояли условиям концлагерей и лагерей, которые создавались для уничтожения человеческой сущности в человеке [9]. История знает массу примеров, когда конкретный человек утверждал свою личность в, казалось бы, невыносимых ситуациях. Чем выше духовность, тем устойчивее человек к тотальным ситуациям.

Эксперимент
Ф.Дж. Зимбардо
не был корректен

Ф.Дж. Зимбардо писал: «Мы отобрали хороших людей, случайным образом дали им роли надзирателей или заключенных и провели наблюдение того, как они менялись к худшему, пребывая день за днем в порочном месте».

Однако эксперимент не был корректен: молодые люди, попав в ситуацию проективного эксперимента, были естественным образом втянуты в реальные отношения при неравных возможностях оппонирования и оппозиционирования.

Эксперимент проходил за столь короткое время, что период адаптации к заданной экстремальной ситуации (условия изоляции; пребывание на добровольных началах в условиях системы уголовного наказания; строгий режим; бедность предметного мира; специфические формы общения со стороны «надзирателей», выходящие за рамки уставных нормативных правил, и др.) еще не был пройден – действовали механизмы естественной регрессии: индивидуальная внутренняя позиция, четко выражаемая у большинства молодых людей в ситуации обыденной жизни, была в этот период микширована. Кроме того, Ф.Дж. Зимбардо не удалось сообщить, входил ли в содержание исследования помимо этапа отбора и этапа собственно эксперимента третий, совершенно необходимый этап – этап реабилитации и психологического сопровождения как находившихся в заключении, так и надзирателей.

Возможность
трансформации
характера под
влиянием ситуации

Исходя из своего эксперимента, Ф.Дж. Зимбардо настаивал на том, что человеческая природа может трансформироваться под влиянием определенного социального окружения.

Идея быстрой трансформации характера под влиянием ситуации объясняет выраженный интерес к эксперименту не только ученых, но и людей с обыденным самосознанием. Однако эта идея зависимости характера и других личностных особенностей человека от условий в развернутой, теоретически обоснованной форме

давно является достоянием философии, психологии и других заинтересованных в этой области знаний.

Не желая стоять в позиции противоборства по отношению к мыслям Ф.Дж. Зимбардо, все-таки считаю обязательным утверждать, что сама по себе так называемая человеческая природа в ее социально-психологическом контексте несет огромный потенциал как позитивных, ценимых человеческой культурой качеств, так и негативных, порицаемых человеческой культурой качеств. Эти качества присущи человеку феноменологически – они не только отражены в словарях родных языков народов, но реально представлены в разнообразных формах в сфере ценностных ориентаций человека, определяют его самосознание и его личностные психологические особенности.

Реальная тюрьма имеет свои особенности

В реальной тюрьме взаимодействуют две зависимые друг от друга социальные группы: 1 – сотрудники уголовной исполнительной системы; 2 – осужденные за преступления перед обществом и отдельной личностью.

Вынужденное взаимодействие естественно вызывает постоянное напряжение между обеими сторонами: здесь сталкиваются чаще всего *разные стереотипы ценностей*; противостоят не совпадающие в большой своей части *социотонности* к условиям обыденной жизни; разные возможности – сотрудники УИС и осужденные не только стоят по разные стороны правил (одни осуществляют надзор, другие подчиняются), но они имеют разные степени свободы в проявлении своих личностных качеств в непосредственном общении друг с другом [10].

А. Солженицын писал о том, что надзиратели «сами этот жребий выбрали: служба их – та же, что у охранных собак...» [11]. Писатель полагал: «Быть постоянно орудием насилия, постоянным участником зла! – ведь это не каждому дается и не сразу <...> А остальные, значит, втянулись? А остальные, значит, привыкли, и уже их судьба кажется им нормальной. И уж конечно полезной. И даже почетной. А кому-то и втягиваться было надо: они с самого начала такие» [12].

Тюрьма как особый социальный институт несет в себе глубинные специфические особенности – она не только изолирует преступников, но и *создает условия, в которых могут прорасти негативные личностные свойства некоторой категории людей, у которой выражена амбивалентность социально и личностно значимых качеств*. Такими условиями являются изоляция от мира обыденной жизни людей, функциональ-

ные особенности профессиональной деятельности – надзор и наказание.

Многие философы-гуманисты писали о существенных особенностях тюрьмы. Мишель Фуко пытался выявить особенности надзора и наказания. Он обсуждал общие принципы наказания и тюремной дисциплины, справедливо настаивал на том, что тюремное наказание сокрыто за мощными стенами архитектурных сооружений и охраняется административной тайной [13]. М. Фуко, как и многие другие исследователи, утверждал, что тюрьму в ее реальности и очевидных следствиях следовало бы объявить «великой неудачей уголовного правосудия» [14].

Как бы то ни было, но и в XXI веке тюрьма – одна из основных форм отчуждения преступников от общества. Особенно остро это отчуждение проявляет себя в условиях пожизненного осуждения*.

Надзирающие и осужденные: вынужденное взаимодействие

В условиях тюрьмы вынуждены взаимодействовать надзирающие и осужденные за преступления. Обе эти стороны связаны друг с другом дено и ночно, на самой территории и за ее пределами [15].

Служба в системе УИС превращается в отбывание в замкнутом измерении зоны или тюрьмы, где рабочее пространство находится за колючей проволокой, под контролем ключей и режимных нормативов.

Осужденным, однако, дела нет до того, что и надзирающий находится по эту же сторону от свободы. Для них надзирающий – символ их несвободы, который ежечасно напоминает о том «Who is Who?». И все предметы в руках надзирателя – символы власти над «зэками». Среди прочих предметов-знаков несвободы и необходимости неукоснительного подчинения находятся: ключи, ПР-73, наручники.

Главные предметы-символы неволи – ключи, резиновая палка и наручники

Ключ – это не только приспособление для запираания и отпираания замка. Ключ это и символический предмет, которым владеет надзирающий и который категорически недоуолен осужденному. Именно надзирающий, согласно уголовно-исполнительному кодексу и правилам внутреннего тюремного распорядка, держит осужденного под замком, взаперти. Правила сами по себе не воспринимаются как основа режима – для осужденного они чуть ли не эфемерны – призрачны, нереальны. А вот ключи в руках у надзирающего выступают как символ его насильственной власти. Замыкание дверей камеры

* В России сегодня изолировано от общества до 900 000 осужденных, из них около 1 600 человек находятся в ситуации пожизненного лишения свободы.

ведет к тому, что осужденный спасается бегством в себя самого. Он или становится замкнут не только снаружи, но и на самом себе, или подпадает под волну поднимающейся в нем агрессии, которая направлена прямо на того, кто непосредственно осуществляет надзор.

ПР-73 – палка резиновая, черного цвета, 73 см в длину. ПР сама по себе выглядит устрашающе, при этом она реально обладает высокой эффективностью удара. Надзирающих учат правильно применять эту ПР как средство активной обороны. В руках надзирающего ПР-73 это и символический предмет, сигнализирующий о том, что в каждое мгновение этот символ может превратиться в орудие.

Наручники – еще один атрибут: БРС – браслет ручной стягивающий. Наручники являются средством предупреждения агрессивных действий, которые могут быть направлены как на других (прямая физическая агрессия), так и на самого себя (аутоагрессия – нанесение самому себе телесных повреждений).

Все названные атрибуты тюремного содержания находятся в поле деятельности осуществляющих надзор.

Кроме того, сами функции человеческой речи в условиях УИС для надзирающих подвержены контролю служебного нормативного поведения: допускаются команды, распоряжения; не допускаются формы эмпатийной беседы, сопереживания и сочувствия.

Отчужденная форма речи вызывает личностное отчуждение

Отчужденная форма речи вызывает ответное отчуждение. Так как все происходит на уровне межличностных отношений, весьма часто обе стороны невольно втягиваются на уровень межличностной неприязни, плохо скрываемой агрессии.

Один из моих подопечных пожизненно осужденный специально указал на взаимную неприязнь надзирающих и поднадзорных: «Вы знаете о том, что испокон веков преступники недолюбливали своих вертухаев (охранников)*, считая их за личных врагов» [16].

Взаимная неприязнь надзирающих и надзираемых – объективный факт. Однако это скрыто от сторонних глаз. И, если стенфордский тюремный эксперимент, который осмелился провести Ф.Дж. Зимбардо, до сих пор приводит в ужас нас – людей «без выраженных отклонений в поведении», то что можно говорить об отношениях надзирающих и надзираемых в реальных условиях тюрьмы.

* Вертухай – контролер, надзиратель, охранник [См.: Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., 1992].

Тюремные
расправы

В тюрьмах во всем мире заключенных наказывают не только уставными способами. Как и в стенфордском тюремном эксперименте осужденных могут раздевать догола, держать в карцере без еды и одежды, могут заставлять делать отжимания, прыжки и другие бессмысленные действия, заставлять просыпаться ночью для «перекличек». Кроме того, осужденных могут избивать резиновыми дубинками, куражиться над ними словом и садистическими действиями. Карательные меры, однако, вызывают не столько послушание, сколько страх и трепет, агрессию и ненависть.

Перечисленные факты расправы над осужденными вырисовываются не только из исследований известных гуманистов и мыслителей, не только из художественных произведений*, но и из художественных фильмов и сериалов, которые заполнили наше зрительское пространство и время сегодня, в начале XXI века.

Отношения
властителя
и подвластного

Во взаимоотношениях надзирающего и надзираемого существуют глубинные отношения, подобные позиции властителя и подвластного. Здесь следует обратиться к М.М. Бахтину, который сталкивал насилие, угнетение, ложь, трепет и страх подвластного с возвратным страхом властителя перед подвластным [17]. Исследователь психологии преступных отношений между людьми специально выделял проблему трагедии узурпатора – глубинного, потенциального преступления всякой самоутверждающейся индивидуальности [18]. Нельзя не согласиться с пониманием М.М. Бахтиным глубинной психологии самой жизни. Действительно отношения надзирающих и надзираемых окрашены логикой противостояния власти и подвластных, логикой взаимного отчуждения.

Однако, как писал А. Солженицын: «...в надзирателе, тюремном и лагерном, встретить человека бывает можно, каждый заключенный встречал на своем пути не одного» [19].

Я по своим профессиональным ориентациям направлена на науку (меня интересует человек как личность) и на практику (в частности на психологическую помощь тем, кто попал в экстремальные условия). Не могу и не хочу выступать со стороны правозащитников – людей, которые ориентированы на тех, из чьих рук они получают заказы с весьма непростой мотивацией. Меня глубинно интересует человек, нуждающийся в

* В. Гюго, А. Камю, Ж.-П. Сартр, а также Ф.М. Достоевский, Дж. Лондон, А.П. Чехов и др.

поддержке из-за экстремальных условий профессиональной деятельности или из-за экстремальных условий жизни. В частности жизни в тюрьме.

Необходимо смягчить отчуждение, которое возникает между надзирающими и надзираемыми

Как психолог, я ставлю перед собой задачу смягчить ту неприязнь, то отчуждение, которое возникает естественным образом противостоящими сторонами: надзирающими и надзираемыми.

Тюремный психолог призван изменить отношения антагонизма

Тюремный психолог – значимый персонаж, который помещен обстоятельствами своего служения между двух противостоящих сторон – не важно: работает ли он непосредственно с сотрудниками УИС, работает ли он с осужденными. Психолог призван изменить отношения антагонистов.

Перед психологом стоит задача довести до сознания сотрудников УИС и сформировать у них ценностные ориентации на толерантную позицию в отношении к другим людям, в том числе и к осужденным.

Важно помочь увидеть преимущества толерантной позиции

Гуманное отношение к осужденным, как известно, предусмотрено международными стандартами и уголовно-исполнительским законодательством. Однако, как говорится, легко сказать, что должно. Надзирающие втянуты в психологически насыщенные отношения с осужденными. Кроме того, на отношения сотрудников и осужденных оказывают влияние неофициально складывающиеся нормы [20]. В каждом отдельном учреждении можно увидеть разнообразные варианты особой корпоративной культуры сотрудников УИС. Как живые люди, как социальные единицы сотрудники УИС непосредственно реагируют на грубое, вызывающее отношение со стороны осужденных. И хотя их служебное поведение должно быть обусловлено социально-правовым статусом, институциональными нормами, правилами и традициями внутреннего распорядка, порой их внутренняя позиция в отношении к ожиданиям в общении и исполнении наказаний ломается о специфические особенности субкультуры осужденных. Возникает особая корпоративная культура закрытых учреждений.

А. Солженицын вопрошал: «Сходство жизненных путей и сходство положений – рождает ли сходство характеров? Вообще – нет. Для людей, значительных духом и разумом, – нет, у них свои решения, свои особенности... Но у лагерников, прошедших строгий отрицательный отбор – нравственный и умственный, – у них сходство характеров разительное, и, вероятно, без труда мы сумеем проследить их основные *всеобщие* черты» [21]. Среди этих черт А.Солженицын считал необхо-

димым указать на: спесь, самовластие, злость, жестокость и др. Действительно можно установить такие проявления надзирающих над надзираемыми...

Однако, если устанавливается достоверность нарушений законности, виновные несут ответственность. При этом самое легкое наказание – увольнение. Возможно и привлечение к уголовной ответственности.

Психолог призван помочь надзирающим и надзираемым

Психолог призван помочь сотруднику УИС увидеть преимущества толерантной позиции к осужденным. Толерантность сотрудника следует рассматривать как условие профессионального отношения к осужденным и как личностно значимое качество. Толерантная позиция знаменует собой истинную силу личности и профессионализм.

Может ли надзирающий быть хорошим человеком?

«Может ли надзирающий быть хорошим человеком?» – вопрошал А. Солженицын. Я много лет посещаю осужденных на пожизненное лишение свободы, я видела много надзирателей и офицеров... Сейчас XXI век, другие времена. Сейчас не проводится специальный «отрицательный отбор», о чем знал и писал А. Солженицын. Для большинства офицеров зона, тюрьма – это служба, а не место для реализации своих темных наклонностей. Среди них немало весьма и весьма достойных людей. Но среди них есть и чудовища... Впрочем, как всюду.

Что касается осужденных, находящихся в условиях пожизненного лишения свободы, то они являются рабами зарегистрированных условий содержания в камере и зарегистрированных форм общения, особенно со стороны непосредственно надзирающих.

Совершенные преступления, часто предваряющая их социальная среда и условия тюрьмы приводят осужденного к постоянному психическому напряжению, к так называемому тюремному стрессу: к готовности уйти в себя – в состояние тюремного аутизма или выйти из себя – к агрессивному всплеску. Выдерживать установленные в исправительном учреждении нормы – чрезвычайные испытания для человека.

Профессиональная обязанность психолога

Профессиональная обязанность психолога – *укреплять осужденных* в принятии необходимости подчинения установленным правилам, укреплять их в желании жить и надеяться на лучший исход. Обязанность психолога – не поддаваясь возможным манипуляциям со стороны некоторой категории преступников найти приемлемые формы индивидуального сопровождения, защитить отчаявшихся от отчаяния*.

Тюремный психолог, будучи профессионалом, призван помочь как надзирающим, так и надзираемым. В этом случае вместо антогонизма двух противостоящих сторон возникают отношения единства трех сторон – триады, которые принципиально должны менять сам стиль взаимодействия.

1. *Зимбардо Ф.Дж.* Стенфордский тюремный эксперимент // Эксперименты и жизнь. СПб., 2007. С. 4–23.
2. Там же. С. 8.
3. *Хэйни К.* СТЭ и анализ социальных институтов // Эксперименты и жизнь. СПб., 2007. С. 32.
4. *Зимбардо Ф.Дж.* Там же. С. 32.
5. *Хэйни К.* Там же. С. 34.
6. *Зимбардо Ф. Дж.* Там же. С. 18.
7. Там же. С. 14.
8. Там же.
9. *Browning К.* Обычные люди. 1992; *Леви П.* Человек ли это? М., 2001; *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. М., 1991; *Франкл В.* Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере. М., 2004; *Шаламов В.* Колымские тетради. М., 2007.
10. *Мухина В.С.* Пожизненно заключенные: мотивация к жизни // Развитие личности. №3, 2002. С. 51–60; №4. 2002. С. 100–114; все последующие номера вплоть до № 3. 2007.
11. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. М., 1991. С. 446.
12. Там же. С. 448.
13. *Фуко М.* Ненормальные. СПб., 2005; *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 376.
14. Там же. С. 387.
15. Пенитенциарная психология // В кн.: Энциклопедия юридической психологии. М., 2003. С. 231–282; Прикладная юридическая психология. М., 2001.
16. *Мухина В.С.* Пожизненно заключенные: мотивация к жизни // Развитие личности. № 1. 2007. С. 150.
17. *Бахтин М.М.* Дополнения и изменения к Рабле. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов. М., 1997. С. 86.
18. Там же.

* Серен Кьеркегор называл отчаяние смертельной болезнью. Отчаяние осужденных на пожизненное заключение действительно может приводить к аутоагрессии, вплоть до суицида.

19. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1991. С. 464.

20. Батенок С.В. Неформальные взаимоотношения сотрудников УИС как фактор исправительного воздействия на среду осужденных. М., 1998; Дриль Д.А. Преступность и преступники. М., 2006; Кинг Дж. Тюрьма. М., 2006; Ламброзо Ч. Преступный человек. М., СПб., 2005; Мухина В.С. Пожизненно заключенные: мотивация к жизни // Развитие личности. №3. 2002. С. 51–60; №4. 2002. С. 100–114; все последующие номера вплоть до №4. 2007; Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М., 1998; Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы. М., 1991.

21. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1991. С. 450.
